

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Пустячок с десятью нулями

«Научная книга»

Серова М. С.

Пустячок с десятью нулями / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частный детектив Татьяна Иванова находит в салоне своей машины органайзер, оставленный случайным попутчиком. Без особого труда вычисляет владельца и договаривается о встрече. Но, приехав по адресу, сыщица обнаруживает лишь остывающий труп несчастного. Так бы все и закончилось, но через два дня к Ивановой обращается начальник того самого мужчины: за день до расправы с Таниным попутчиком у него из сейфа пропала огромная сумма... Из разговора с вдовой убитого Иванова выясняет любопытную деталь: незадолго до смерти муж выглядел особенно счастливым. И это несмотря на то, что в последнее время супругам названивал некто таинственный и агрессивный...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова

Пустячок с десятью нулями

Глава 1

Был прекрасный июньский вечер. Не холодный, не жаркий. Солнце клонилось к закату, оставляя оранжевые отсветы на стенах домов и многократно отражаясь яркими вспышками в оконных стеклах.

Вишневая «девятка» легко и плавно шла по широкой улице, отмеряя колесами ровный и чистый асфальт одной из главных магистралей города. Тротуары вдоль домов сегодня почему-то тоже отличались опрятностью. Будто кто-то объявил месячник по борьбе за чистоту Тарасова, начиная с сегодняшнего дня, и следил своим недремлющим оком за горожанами, готовый пристыдить и решительно покарать всякого, кто отважится посягнуть на незыблемые устои санитарных норм и правил поведения в общественных местах. Несмотря на то что день был обычным, будничным, настроение у меня наблюдалось выходное. Прямо-таки воскресное. Ну, или субботнее, что лучше, потому что за воскресеньем следует обычно тяжелый понедельник, а ожидание его – дело не из приятных. Впрочем, о чем это я? В жизни частного детектива не бывает будней и праздников, а выходные, если таковые и случаются, обычно никак не связаны с традиционными субботой и воскресеньем, это уж я по инерции так подумала.

Я ехала в своей машине. Было так отлично на душе, что просто не терпелось взять и совершить какой-нибудь хороший поступок. Пусть даже небольшой, совсем маленький. Как доказательство безмерной любви ко всему человечеству и вообще всему живому, что есть на земле. И такая возможность представилась мне очень скоро. На автобусно-троллейбусной остановке, чуть в стороне от небольшой кучки потенциальных пассажиров, дожидавшихся невесть куда запропастившегося общественного транспорта, истоиво голосовал мужчина лет тридцати пяти – сорока в кремовой рубашке с короткими рукавами и в светлых, почти такого же цвета, брюках. Волосы его были темно-русыми, успевшими, однако, слегка порыжеть от солнца. «Наверное, любит бывать на природе, – подметила про себя я. – Может, дачник, а может, любитель пляжного волейбола под пиво, из тех, которые не хотят ждать официального открытия купального сезона. И неважно, что вода такая холодная. Хотя загар у него не очень, – продолжила размышлять я. – Так себе. Скорее всего, все-таки дачник». Я затормозила и встала почти перед голосовавшим, видимо, отчаянно пытавшимся найти хоть какое-то средство передвижения. Мужчина удивленно и одновременно радостно приоткрыл дверцу остановившейся «девятки» и, просунув внутрь салона голову, спросил:

– До железнодорожного вокзала не подбросите?

– Садитесь, – пригласила я, преисполнившись в мгновение ока готовностью доставить страждущего по месту назначения.

– Вот спасибо! – поблагодарил обрадованный представитель жаждущего помощи человечества, устраиваясь на заднем сиденье. – А то на автобусе я, боюсь, уже не успею.

– Уезжаете? – полюбопытствовала я, трогаясь с места. – Что-то багаж у вас, как я посмотрю, чересчур скромный, – заметила я попутно, намекая на небольшой черный «дипломат» – единственную ношу своего пассажира.

– Нет, жену провожаю. Хотел сегодня пораньше с работы уйти, а пришлось, наоборот, задержаться, – поспешил развеять мое легкое удивление пассажир.

– Похвальное рвение, – оценила я намерение мужчины и неожиданно для себя кокетливо добавила: – Вот всем бы такого мужа.

– А вы что, разве не замужем? – удивился человек на заднем сиденье. – При вашей-то внешности... Да и машина, как я посмотрю, у вас не из последних... Ах да! Вы, наверное, одна из тех эмансипированных особ, которые вполне самостоятельно могут о себе позаботиться и никак не могут встретить мужчину своей мечты, который мог бы дотянуться до уровня установленной вами планки?

– Наверное, вы почти правы, – задумчиво протянула я, принявшись вдруг мысленно оценивать истинные причины своего холостого положения.

Но тут же, ощутив легкую досаду, тряхнула расслабленной кистью, как бы сбрасывая с нее что-то неприятное. И следом почувствовала, что беседа с незнакомцем, спешащим на железнодорожный вокзал, принимала оттенок разговора в поезде, довольно откровенного, но в то же время в меру, с четко очерченными допустимыми пределами.

– А вы давно женаты? – спросила я, сама не зная зачем, скорее просто так, для поддержания беседы.

– Тринадцать лет.

– Интересная дата, – прокомментировала я услышанное.

– А я не суеверный, – тут же возразил мужчина.

Он открыл «дипломат» и принялся в нем что-то искать, перекладывая содержимое с места на место.

– И надолго расстаетесь? – продолжала любопытствовать я.

– На неделю. Она к матери в гости собралась. Так что у меня впереди семь дней автономного плавания.

– У нее тоже, – справедливо заметила я веселым тоном. Я сама до конца не понимала, к чему клоню и зачем мне все это нужно. Просто вот накатило такое игривое настроение, и все!

– Но в конце концов, иногда ведь надо друг от друга отдохнуть, – подыграл мне собеседник. – Спасибо, что вы согласились подвезти, а то у меня вчера, как назло, что-то с машиной случилось. Ведь надо же! Как говорится, закон подлости.

– Что ж, случается, – посочувствовала я. – Но, наверное, нужно было все-таки выйти пораньше, чтобы потом не суетиться. Что там у вас за работа такая неотложная, что нельзя доделать потом? Или, может быть, вы трудоголик и работа для вас превыше всего?

– Ну, не до такой уж степени, – рассмеялся незнакомец. – Шеф у меня не любит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Мужчина наконец-то перестал потрошить внутренности своего «дипломата», щелкнув напоследок замками.

– Я в фирме по продаже оборудования работаю, но, помимо офиса, у нас еще есть склады. И меня, как на грех, туда попросили на время. Одно к одному. А там – пока разберешься... Опоздал бы, если бы не вы.

– Бросьте вы, я всегда рада помочь тому, кто в этом нуждается, – улыбнулась я, краем глаза поглядывая в зеркало и наблюдая за пассажиром.

– Да и с женой упреков и обид потом не оберешься! – продолжал он. – Вроде бы мелочь, а при случае все припомнит.

Автомобиль тем временем вырулил на привокзальную площадь и мягко подкатил к боковому выходу на перрон.

– Ну вот, кажется, я и приехал, – облегченно выдохнул постаравшийся избежать грядущих экзекуций муж.

Я затормозила, и автомобиль встал как вкопанный, мягко урча, будто прирученный зверь.

– Надо вам заметить, что вы неплохо водите, – похвалил меня мужчина с видом знатока, по-доброму улыбаясь в аккуратно подстриженные, густые рыжеватые усы.

– Неплохо для женщины или неплохо вообще? – поспешила уточнить я.

– Вообще неплохо. Возьмите, пожалуйста, – он протянул мне несколько бумажек.

– Да ну что вы, бросьте, – вежливо, но твердо отказалась я. – Это сущие пустяки.

– Ну, в таком случае спасибо вам большое, добрая самаритянка, – мужчина улыбнулся еще раз, вылез из машины и захлопнул дверцу.

– Пожалуйста. Поспешите, а то вдруг еще какая-нибудь заминка.

Но провожающий уже не слышал меня. Он направился быстрым шагом в сторону перрона. Я улыбнулась самой себе, поскольку только что оказала посильную бескорыстную помощь нуждающемуся, утолив тем самым в какой-то мере проснувшееся желание творить добро. Но в глубине души я была чем-то разочарована. Возможно, тем, что незнакомец не попросил у меня телефона, не оставил свой... Да и вообще тем, что это случайное знакомство, похоже, не возымеет никакого продолжения. Да ладно, чего это я вдруг вздумала разочаровываться? Одно ушло, другое пришло... Вроде бы я никогда в своей жизни не страдала от одиночества! Тем более что этот мужчина не так уже мне и понравился. Староват, честно говоря. Да и вообще секунд-хенд. Я развернула машину, описала петлю вокруг привокзального сквера и двинулась к родному очагу. Теперь ехать по вечерним улицам было еще приятнее. Я, конечно, могла бы еще позаниматься частным извозом, но решила, что на сегодня внесла достаточный вклад в благотворительность.

Добравшись домой и поставив машину в гараж, перед тем как захлопнуть дверцу, я по привычке окинула беглым взглядом салон и неожиданно заметила на заднем сиденье корочку из коричневой кожи.

«Вот тебе и поспешил», – отметила я про себя и взяла корочку в руки. Это была записная книжка, обычная, недорогая. Обложка из искусственной кожи, стилизованная под неизвестного науке зверя со шкурой в неровную клетку. На первой страничке красовался исполненный типографским способом парусник.

Изрядная часть клетчатых листков была заполнена записями владельца. А в конце книжки я обнаружила в несколько раз сложенный листок, заткнутый за край обложки. «Ладно, потом посмотрим, что к чему», – решила я и направилась домой.

Меня там, разумеется, никто не ждал, да я и не расстраивалась никогда особо по этому поводу. А сейчас почему-то стало грустновато. И почему-то захотелось, чтобы, когда я возвращаюсь домой после своих трудовых подвигов, меня ждали приготовленные заботливой рукой ужин и чашка кофе...

«Нанять домработницу!» – подсказал мне внутренний голос. Но где же найти такую, чье внимание и забота будут искренними? Где обитают такие домработницы, которые ждут не дождутся твоего прихода, а не лазят в отсутствие хозяев по шкафам и карманам?

Нет, нужен действительно близкий человек, в искренней заботе которого можно быть полностью уверенной. Что же, пришла пора его искать?

Очнувшись, я сразу постаралась откинуть эти мысли, напомнив самой себе, что за все эти прелести мне придется расплачиваться. И не материально, как в случае с домработницей, а куда более ценными вещами. Например, личной свободой, которая для меня очень важна. Да и вообще... Взять со своей стороны заботу о ком-то я все-таки еще не готова. Так что к черту сентиментальность! Пора встряхнуться и в первую очередь поесть.

Приготовив и уничтожив тут же легкий ужин, я расположилась у телевизора, лежа на мягком уютном диване.

«Вот и славно, – думала я. – Вот и здорово! Что хочу, то и делаю, никто мне не мешает, никто не просит сварить кофе, предоставить чистое белье или потереть спину. И уж тем более, упаси боже, поменять подгузник!»

Я безмятежно улыбнулась и потянулась. Но одиночество неумолимо продолжало напоминать о себе, и мне стало откровенно скучно. Я обзвонила от нечего делать нескольких подруг. Пресытившись в конечном итоге пустыми разговорами по телефону, я еще раз подметила, что

очень хотелось бы, чтобы сейчас кто-нибудь находился рядом. Что такое со мной творится? Возраст, что ли?

И главное, никто даже не позвонит сам, не поинтересуется, как у меня дела! Звонят только тогда, когда им от меня что-то нужно! Это просто возмутительное хамство, меня используют на всю катушку, просто ездят на моей хрупкой шее!

Повозмущавшись про себя, я подумала, что, может быть, не мешало бы позвать кого-то к себе и таким образом напомнить, что я вообще-то существую не только как частный детектив Татьяна Иванова. Но звонить и приглашать кого бы то ни было в гости было уже поздно – половина первого ночи. Самое время спокойно отойти ко сну.

На следующий день, покончив с гигиеническими и прочими утренними процедурами, обиженная недостатком внимания со стороны абсолютно всех моих знакомых, как мужского, так и женского пола, я завернулась в махровое полотенце и устроилась с ногами на диване, разглядывая журналы мод. Я погрузилась в нелегкие для представительницы прекрасного пола размышления на тему, чем бы пополнить свой гардероб.

За этим-то серьезным занятием и застал меня один мой давний знакомый, вошедший как бы между прочим, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Это был не кто иной, как Гарик Папазян, капитан милиции, горячий кавказец, с которым на пару мы расследовали не одно дело. Гарик всегда относился ко мне, в отличие от своих коллег, не совсем по-дружески. Вернее, смотрел на меня не только как на друга и даже не столько, а в первую очередь как на женщину. И смотрел весьма откровенно.

Только вот я никак не отвечала на эти взгляды. Ну, вот просто никак не могла взглянуть на Гарика как на мужчину. Мы были только друзьями, в чем-то коллегами, и все. Ни Андрей Мельников, ни Володя Кириянов, такие же сотрудники милиции, как и Папазян, и столь же давние приятели, никогда не делали мне даже намеков на интим – так было заведено давным-давно. А вот неугомонный Гарик совершенно беззастенчиво постоянно пытался склонить меня к флирту. Но никогда не получал желаемого. Порой мне было даже смешно и интересно слегка над ним поиздеваться, порой его ухлестывания начинали раздражать... Но сегодня его визит меня скорее порадовал – зря я грешила на своих знакомых за отсутствие внимания, все-таки обо мне помнят!

«Вот так и останешься на старости лет с Папазяном», – усмехнулась я про себя, поскольку, кроме Гарика, о себе больше никто не напомнил.

– Привет, привет, божественная ундина! – с порога полился сочный льстивый голос кавказца.

– Привет. Что это у тебя за эпитеты появились? Сериалов, что ли, посмотрелся? – улыбнулась я.

– Нет, мне сериалы смотреть некогда, – разуваясь, покачал чернявой головой Гарик. – Просто ты такая свежая, да еще в этом полотенце – как будто только что из моря вышла!

– Ага, из пены морской, – поиронизировала я, но Гарик, видно, был плохо знаком с античной мифологией, поскольку не отреагировал.

Он разулся и продолжал пялиться на меня восхищенным взглядом.

– Ну, проходи, что ли, уже, – не выдержала я. – И вообще ты по делу или как?

– К такой женщине, как ты, Танюша, можно ходить только по одному делу! – выдал Папазян и тут же смутился, поняв, какой вульгаризм он ляпнул.

– Ну, спасибо, – язвительно заметила я. – Тогда прошу извинить – у меня неприятный день!

И уже потянулась, чтобы открыть входную дверь и отправить обнаглевшего Папазяна восвояси. Гарик моментально преобразился. Черты лица вмиг приобрели выражение, которое, видимо, должно было означать благородство и готовность загладить свою вину чем угодно. Он

галантно, как ему казалось, опустился передо мной на одно колено и протянул обе руки вперед. Взгляд его при этом выражал безмерную преданность.

– Таня-джан, – умоляюще, но, как всегда, слишком театрально заговорил он, – я всего лишь хотел сказать, что ты настолько прекрасна, что, глядя на тебя, невозможно думать ни о каких делах! Все мысли затмевает красота твоя!

Глаза Гарика влажно блестели, и он уже, схватив меня за запястье обеими руками, принялся его поглаживать.

– А вот этого не надо, – убирая руку, преувеличенно строго сказала я. – Ты знаешь, что я не терплю подобные вольности!

На самом деле такие «вольности» я принимаю очень даже хорошо, но только не от Гарика. И вообще мне уже надоели его дурацкие поползновения.

– Так чего ты пришел? – вернула я его к действительности. – Если опять со своими грязными домогательствами, то лучше быстрее беги отсюда.

– Что ты, что ты! – замахал руками Гарик, подсакивая с пола. – Просто зашел проведать, ничего грязного у меня и в мыслях не было, богом клянусь! Шел мимо, давно не видел тебя, вот и решил зайти, узнать, как дела... Такой день хороший, можно на пляж съездить или просто прогуляться, можно в кафе сходить, – тараторил Папазян.

– Извини, Гарик, сегодня никак не могу, – вздохнула я.

– Что, работаешь? – разочарованно протянул капитан.

– Да, – непререкаемым тоном ответила я.

– Что за дело? – тут же спросил Папазян.

– Господи, тебе-то какая разница? – вздохнула я, раздраженная его вопросом, поскольку никакого дела у меня в данный момент не было. Впрочем... Я отложила журналы и сделала вид, что сосредоточенно размышляю. Но тут же спохватилась, как бы вспомнив что-то ужасно важное, являющееся вопросом жизни и смерти. – Вот одно дело мне точно следует провести немедленно! – Я подняла вверх указательный палец, затем быстро направилась к себе в спальню и тут же вернулась, пока Гарик не поперся за мной, держа в правой руке вчерашнюю находку, а для кого-то несомненно пропажу.

– Что за документ? – продолжал любопытничать Папазян. – Личные записи или деловые?

– Не знаю, это не мое. Но это мне надо обязательно вернуть, вдруг там что-то важное или нужное.

– Почему «или»? – спросил Гарик. – Что, неужели одно исключает другое?

– Не цепляйся к словам, – отмахнулась от него я, внимательно разглядывая испещренные аккуратным почерком страницы.

– А читать чужие письма неприлично, – заметил надоеда-Гарик.

– Ну, во-первых, это не письмо. И здесь нет ничего, кроме имен, адресов и телефонов. Никаких личных мыслей, идей и соображений, – резонно парировала я выпад в свою сторону поборника морали и нравственности. – А, во-вторых, как я узнаю, где искать владельца? Единственный способ – найти что-то здесь.

И я продолжила изучение записей на клетчатых листочках.

– А откуда вообще это у тебя взялось? – не отставал от меня Папазян.

– Один мужчина оставил вчера в машине, – ответила я, не поворачивая головы.

– Какой мужчина? – ревниво уточнил Гарик и нахмурил брови. – Почему мужчина?

– Хороший вопрос, – усмехнулась я. – Наверное, потому что его мама родила мужчиной.

– А как он попал к тебе в машину? – продолжал допрос Папазян, видимо, возмнив себя моим мужем или, на худой конец, бойфрендом. Совсем, видимо, свихнулся на старости лет.

– О господи! – покачала я головой. – Бедные задержанные, которые попадают к тебе! Мужчина спешил на вокзал, а я его подвезла. Устраивает тебя такой ответ?

– Никогда не думал, что ты подрабатываешь в роли таксистки, – уколол меня Гарик. – Если нужны деньги, могу устроить к нам в отделение. На должность участкового, – хохотнул он.

– У тебя потрясающее чувство юмора, – отреагировала я. – Но подрабатывать извозом мне пока, слава богу, не приходится. Просто помогла опаздывающему человеку.

– Я тебе не верю! – вдруг заявил Папазян.

– Ну и ради бога, – отмахнулась я. – Не мешай!

Но от Гарика не так-то просто было отделаться.

– Что ты там такое пытаешься найти? – вопрошал он. – Если на обложке нет имени владельца, то вряд ли он будет его вписывать на общих основаниях в алфавитном порядке вместе со своими данными. Если он, конечно, не страдает амнезией. Так что, милая моя, твои старания тщетны и смешны.

– Посмотрим, – пробурчала я.

– А для него невелика потеря, – констатировал капитан. – Купит себе новую. А то и на органайзер разорится.

В рассуждениях Гарика был, конечно, здравый смысл. Я долистала книжку до конца, и опять мне попался заткнутый за край коричневой обложки из кожи неизвестного науке зверя листок, сложенный в несколько раз.

– Ну-ка, ну-ка, – нетерпеливо, по-деловому обеспокоенно произнесла я негромко, будто только что обнаружила нечто важное.

Я зацепила край бумажки и, вытянув, развернула ее. Это была квитанция, разлинованная и разбитая на какие-то столбики. Вверху значился отпечатанный номер. Все остальное было заполнено от руки через копирку и представляло собой какую-то тайнопись.

– Дай-ка взгляну, – проявил очередное любопытство наблюдавший за мной Папазян, скептически, судя по всему, отнесшийся к возникшей у меня идее. Просмотрев квитанцию, он авторитетно заключил: – Филькина грамота.

– Дай сюда, лингвист! – Я потянула листок к себе.

– Да ради бога, забери свои иероглифы, – Гарик разжал пальцы.

– Не упоминай имя господи всуе! Что-то ты сегодня чересчур набожный. Небось потому, что сам грешен с головы до пят.

Я повертела квитанцию в руках. Нет, тщетно. Ничего не разобрать – ни откуда, ни на что.

– А вот тут, кажется, нашла, – неожиданно воспряла я духом. – Слева вверху – это, наверное, фамилия. Ге-ди... Ге-ри... – пыталась я расшифровать плоды чужой стенографии. – Да и фамилия какая-то длинная.

– Тези... – попытался со своей стороны Папазян, но тоже осекся, не добравшись до конца слова. – Фамилия длинная. Наверное, еврейская...

Я посмотрела на этого специалиста по фамилиям и расхохоталась.

– Фамилия «Кац», по-твоему, очень длинная?

– Нет, – обиделся Папазян. – Зато Рабинович длинная. Длиннее, чем у меня.

– Ну вот что, ваши национальные комплексы к делу мы пришивать не будем. И спорить о благозвучности армянских и еврейских фамилий тоже.

И, торжествующе наблюдая за тем, как эмоциональный Папазян вскинул руки вверх и состроил сокрушенную физиономию, я открыла записную книжку в начале, на первой попавшейся странице, и нашла фамилию со значащимся под ней телефонным номером «Стекольников Владимир Алексеевич». Я еще подумала, что странно, что эта фамилия идет в начале книжки – буква «с» вообще-то стоит во второй половине алфавита. Видимо, либо ее владелец не очень-то аккуратен, либо это номер важного для него человека. Что ж, тем лучше. Я сняла трубку телефона и, недолго думая, набрала указанный номер.

– Алло, добрый день, – произнесла я, как только трубку взяли.

– Да, – отозвался мужской голос с другой стороны провода.

– Могу я поговорить со Стекольниковым Владимиром Алексеевичем? – поинтересовалась я.

– Да, я вас слушаю.

– Понимаете, тут такая история. Как бы вам это объяснить... – я сделала паузу. – Вчера некто оставил у меня в машине записную книжку, а в ней квитанция. Возможно, надо бы вернуть владельцу, вот только я не знаю, ни как зовут человека, ни где его искать.

– И что? – не понял собеседник.

– А у него в книжке я нашла ваш телефон. Возможно, вы мне подскажете, кто это был? Такой среднего роста, темно-русый, с усами, карие глаза.

– Темно-русый с усами? – переспросил Владимир Алексеевич.

– Ах, да, он еще говорил, что работает в фирме по продаже газового оборудования, – вспомнила я.

– А-а, можете дальше не трудиться, кажется, я знаю, кто вам нужен, – сказал Стекольников. – Это, наверное, Герасименко.

– Как вы сказали? – переспросила я.

– Герасименко Валерий Васильевич.

Я еще раз посмотрела на квитанцию. Да, наверное, это действительно мой вчерашний пассажир. Наконец-то я с чужой помощью смогла разобрать хоть одно слово на этой кальке с шифрограммой.

– Да, да, похоже, это тот, кто мне нужен. А не будете вы любезны, не подскажете, как мне его найти?

– Буду, – согласился Стекольников. – Записывайте телефон.

Я зафиксировала на обложке первого попавшегося под руку журнала продиктованные цифры, извинилась за беспокойство и попрощалась.

– Герасименко. Вот видишь, я хоть одну букву угадала, – отметила я свое превосходство, обращаясь к Гарику.

– И что? – скептически ответствовал Папазян. – Ты собираешься звонить ему? Но ты же сама сказала, что он спешил на вокзал! Значит, его нет в городе!

– Он спешил на вокзал, чтобы проводить свою жену, – ответила я.

Это заявление повергло Гарика прямо-таки в ступор.

– Это что, значит, он один дома? – глупо спросил он.

– Ты потрясающе догадлив, – усмехнулась я. – Хотя, возможно, что не один, а с двумя или тремя детьми.

– Но это просто неприлично – звонить мужчине в отсутствие его жены! – Гарик аж слюной брызнул. – Ты-то должна это понимать! И вообще... У нас на Кавказе женщина никогда не станет первая звонить мужчине! За это мы женщин и уважаем! Пускай сам звонит, если ему нужно!

– Во-первых, мы не на Кавказе, – парировала я. – К тому же насчет уважения к женщине на Кавказе у меня есть своя теория, но не станем ее обсуждать. В-третьих, куда, интересно, он станет мне звонить, если у него нет моего номера телефона?

Последний аргумент, кажется, оказал наиболее благотворное влияние на свихнувшегося, кажется, всерьез Гарика. Во всяком случае, он замолк. Я тут же, следуя своим записям, набрала номер вчерашнего спасенного от гнева жены незнакомца.

– Алло, Валерий Васильевич? – спросила я, как только мне ответил мужской знакомый голос.

– Да. А кто это?

– Это я, ваша вчерашняя знакомая, – нарочно для Гарика чуть кокетливо напомнила я. – Ну, помните, я вас еще до вокзала подвезла, когда вы опаздывали?

– А, да-да, помню, – в голосе господина Герасименко слышалась изрядная доля удивления. Похоже, он явно не понимал ни цели моего звонка, ни того, собственно, откуда я узнала его номер.

– Вы у меня кое-что оставили в машине, – поспешила я разъяснить ситуацию.

– Записную книжку? – В голосе Герасименко прозвучала глубокая надежда, граничащая с уверенностью в правоте своих выводов.

– Да, не беспокойтесь, она у меня, – поторопилась я подтвердить угаданное.

– Ну, просто камень с души, – выдохнул облегченно Герасименко. – А я уже, можно сказать, с ней простился. Как бы мне у вас ее забрать? Скажите, где вы живете, и я подъеду.

– Давайте я сама вам ее завезу. Мне нетрудно, – предложила я.

Гарик, все время ревниво прислушивавшийся к разговору, прямо-таки ахнул.

– Ну, если нетрудно, то... записывайте адрес, – согласился Валерий Васильевич.

Он подробно рассказал мне, как его разыскать, и сообщил, что в ближайшие часы никуда не намерен отлучаться.

– Договорились, я скоро подъеду, – пообещала я и положила трубку.

Рассудив, что вроде как дело можно считать почти сделанным, я не стала суетиться и неторопливо принялась собираться. «Что ж, придется еще раз выручить господина Герасименко и... может быть, продолжить знакомство», – заключила мысленно я.

– Куда это ты собралась? – мрачно спросил Гарик.

– У тебя свои пункты взлета и посадки, у меня – свои, – ответила я. – Сегодня у меня летная погода. Так что будь добр, покинь мои владения.

Папазян раскрыл было рот, чтобы выразить свое недовольство и еще раз прочитать мне лекцию о восточных нравах, но я решительно указала ему на дверь. Сделав вид, что оскорбился до глубины души, незадачливый капитан все-таки ушел. Я поскорее захлопнула дверь и направилась в свою комнату переодеваться. Переодевшись, я уже двинулась к двери, но остановилась на полпути. Я решила все-таки перед поездкой обратиться к своим помощникам – двенадцатигранным костям, толкование которых наверняка отразит точное положение вещей. Я достала замшевый мешочек, который постоянно ношу с собой, и кинула кости прямо на тумбочку в прихожей. На сей раз они сообщили следующее:

1+20+25 – Вы используете свою привлекательность в эгоистических целях, с равнодушной легкостью разбивая мужское сердце.

Что ж, речь наверняка идет о Гарике. И это меня еще больше развеселило! Пускай с моей помощью кружатся мужские головы и разбиваются их сердца! Это значит, что я молода, привлекательна и желанна! А что еще может радовать женщину?

Денек стоял не хуже вчерашнего. Вот бы все лето было таким! Свежий легкий ветерок – и никакого тридцатиградусного зноя, от которого не знаешь куда укрыться.

А ведь последние несколько лет солнце на Нижней Волге будто взбесилось. Самое теплое время года превращалось в душегубку под открытым небом. Можно было с ума сойти. Прямо-таки ад крошечный. Сначала ждешь с нетерпением, когда же растает снег, сойдет грязь и можно будет скинуть шубу и плащ. А потом не знаешь, куда же от всего этого деться. И в душе начинаешь молить – поскорее бы осень, даже несмотря на ее слякотность и серость. Зато на этот раз грех было жаловаться. Перед тем как засвидетельствовать свое почтение кареглазому господину с усами, которому, увы, что-то часто не везет, я мимоходом, или, если точнее, мимоходом, посетила пару-тройку магазинов и пополнила кое-какими обновками свой гардероб, благо со средствами у меня обычно никаких проблем не наблюдалось.

Через полтора-два часа, довольная покупками, я отправилась по адресу, указанному мне господином Герасименко. Въехав во двор желтой пятиэтажки и приблизившись к нужному мне подъезду, я повстречала какого-то странного человека, появившегося из распахнутых дверей.

Он сразу же привлек мое внимание и своим внешним видом, и необычной манерой держаться. Высокий блондин, чересчур худой, отчего нос на его лице казался несколько великоватым и слишком заостренным. Взгляд незнакомца был таким настороженным, можно сказать, испуганным. Будто я, вышедшая ему навстречу из машины, представляла собой приближающуюся опасность – источник потенциальной угрозы. Над левой бровью, чуть касаясь ее, красовался, если можно так выразиться, довольно заметный шрам. И с той же стороны лица легко можно было увидеть темное родимое пятно, размером почти в полногтя, возле самого уха. Хотя шел этот человек не очень быстро, во всем его теле, во всех движениях было нечто суетливое. Глаза изучали окружающую обстановку. Движения были неестественными, словно у куклы-марионетки. В общем, как выразилась бы молодежь, «чувак был явно не в себе». Я не могла удержаться и, оглянувшись, посмотрела в спину человеку, удаляющемуся от меня незнакомцу. «Наркоман, что ли? – невольно подумалось мне. – Во всяком случае, очень похож!»

Но долго задумываться над пристрастиями незнакомца у меня не было времени. Я толкнула дверь, вошла в подъезд и поднялась на третий этаж. Дверь квартиры Герасименко была приоткрыта. Я на секунду остановилась, решая, как поступить. Сразу войти или, может быть, сначала все же нажать кнопку звонка? Придя к выводу, что позвонить все-таки стоит, я так и сделала. Никто не отозвался. Чуть помедлив в нерешительности, я все же переступила порог.

– Валерий Васильевич, вы дома? – позвала я достаточно громко, но ответа не последовало. – Кто-нибудь есть дома? – повторила я. Однако на мой вопрос никто не отозвался. «Ладно, подождем, – решила я. – Раз дверь не закрыта, значит, Герасименко где-нибудь здесь. Может быть, вышел в магазин за сигаретами и сейчас вернется».

Я стояла в ожидании отлучившегося хозяина, оглядывая прихожую и комнаты через открытые двери, насколько доставал глаз. Квартира носила следы евроремонта и всевозможных многочисленных улучшений в виде подвесного потолка, новых оконных рам из пластика, стенного шкафа и нестандартной для подобных жилищ планировки. Было видно, что тот, кто здесь живет, дорожит этим местом и прилагает все возможные усилия, чтобы обустроить родной очаг и сделать его более уютным и удобным. Надо сказать, что это хозяину удалось, квартира выглядела весьма респектабельно и современно. И все это резко контрастировало с внешним видом незатейливой хрущевской пятиэтажки. Внутренний интерьер давал сто очков вперед наружному виду дома.

Я подождала с минуту, изучая достопримечательности прихожей Герасименко. Хозяин так и не объявился. «Куда это он запропастился?» – я уже не скрывала своего раздражения. И наконец сделала несколько шагов в сторону открытой двери и заглянула в комнату.

То, что мне «посчастливилось» увидеть, могло взволновать кого угодно. Справа от двери, вдоль книжного шкафа на полу расположился хозяин квартиры и мой вчерашний знакомый. Голова его была вся в крови. Крови было достаточно и под головой – ее натекла целая лужа. Руки Герасименко были вытянуты вдоль туловища. Вероятно, не дождавшись своей записной книжки, Валерий Васильевич отключился и рухнул плашмя, подобно оловянному солдатику.

При виде такой картины я невольно ахнула. Передо мной все будто поплыло, а пол под ногами покачнулся, подобно палубе корабля. Я отвернулась и, прислонясь спиной к косяку двери, чтобы не упасть рядом с Герасименко, попыталась взять себя в руки. Трудно сказать, сколько я так простояла.

Вообще-то с трупами мне приходилось сталкиваться за время моей частной практики. Правда, не могу сказать, что к этому привыкаешь и относишься как к чему-то совершенно обыденному. Однако раньше мои негативные эмоции все же не были выражены столь ярко. Видимо, сыграло роль то, что умерший был мне знаком и даже вызывал симпатию, и более того, всего несколько минут назад он как ни в чем не бывало беседовал со мной по телефону.

То есть я никак не ожидала подобного поворота дела. И вот эти обстоятельства и выбили меня из колеи. Неожиданность и неправдоподобность происходящего была слишком велика.

Но наконец разум победил инстинктивное волнение. Голова уже была способна соображать, что делать дальше. Я еще раз взглянула на окровавленную голову и распластанное тело Герасименко, после чего обвела взглядом комнату. «Вот черт, – выругалась я неожиданно для самой себя и спохватилась, – может быть, он еще живой? Это же нужно было проверить в первую секунду! Черт бы побрал мою растерянность!»

Я быстро шагнула к Герасименко и пощупала пульс. Увы, его не наблюдалось. Да и дыхания тоже заметно не было. Я достала из сумочки свой мобильный и набрала служебный номер капитана Мельникова. К сожалению, Андрея на месте не оказалось. Не оказалось и Володи Кирьянова. Так что мне не оставалось ничего другого, как звонить Гарику Папазяну. Можно было, конечно, просто набрать «02» и вызвать любую группу. Но, во-первых, не хотелось общаться с незнакомыми милиционерами и тратить время на объяснения, кто я такая, что здесь делаю и какое отношение имею к труп. А во-вторых, Гарик все-таки был хоть немного в курсе того, что связало меня с Герасименко. Так что придется откинуть все личные симпатии и антипатии и вызвать бравого капитана «на дело». Возможно, сначала он решит, что я над ним издеваюсь... Но выбора не было, и я быстро набрала номер Гарика, надеясь, что от меня он поехал все-таки на работу, а не по личным делам.

– Да, – услышала я в трубке знакомый голос.

– Гарик, это ты? – на всякий случай, чтобы чуть-чуть потянуть время, уточнила я, хотя прекрасно узнала голос Папазяна.

– Я.

– Слушай, Гарик, это Татьяна. Ты мне нужен...

– Что случилось, Таня-джан? – В голосе Папазяна не было и толики обеспокоенности, скорее ехидство. – Твой Человек Рассеянный не откликнулся на твои чары? Или жена неожиданно вернулась? Надеюсь, тебе не пришлось прыгать с балкона пятого этажа?

Гарик вовсю злословил, вымещая на мне досаду за очередной отказ. Юмор его, как и всегда, меня не впечатлял, но сейчас было не до анализа его способностей шутить.

– Гарик, сейчас не до шуток, – как можно серьезнее ответила я. – Тут человек лежит весь в крови. Похоже, уже мертвый.

– Какой человек? Где лежит? Почему лежит? Ты откуда звонишь? – Капитан буквально засыпал меня вопросами, мешая тем самым связно рассказать о случившемся. Кавказский акцент проступил в речи Папазяна весьма явственно, и это означало, что Гарик проникся серьезностью момента и поверил мне.

В сущности, он уже давно привык, что со мной по роду деятельности время от времени происходит нечто неприятное, из чего, впрочем, я довольно умело и без потерь выбираюсь. Во всяком случае, выбиралась до сих пор.

– Пиши адрес, – коротко ответила я и продиктовала координаты дома Герасименко.

– А ты что там делаешь? Постой, он что, твой знакомый? – Капитан Папазян, получивший свое звание во многом благодаря мне, увы, не славился своими аналитическими способностями и временами задавал ненужные и, главное, неуместные вопросы.

– Гарик, это тот самый мужчина, что оставил в моей машине свою записную книжку, – стараясь говорить как можно более четко и понятно, сказала я. – Я приехала, чтобы вернуть ее, а обнаружила труп.

– А больше там никого нет? – уточнил Гарик.

– Нет! – теряя терпение, рявкнула я. – Только он да я, да мы с ним! Причем он мертв!

Внутри меня кипело раздражение от непонятливости и занудства Папазяна. Мне казалось, что это он нарочно надо мной издевается, и даже хотелось ответить в духе Маргариты Павловны из «Покровских ворот»: «Хоботов, это мелко!» – но Гарик вряд ли смотрел этот

фильм, а если и смотрел, то наверняка не оценил юмора. Ему бы все про девушек с персиковыми попами шутить.

– А как ты попала туда, если больше никого нет? – последовал очередной вопрос, поразивший меня своей своевременностью.

– Дверь была открыта! – заорала я. – Короче, Гарик, ты едешь или нет? Если нет, то я вызываю любую группу по «02» и надеюсь, что она будет куда сообразительнее, чем ты.

– Беру группу и еду, – моментально отреагировал не терпящий конкуренции Папазян и строго предупредил: – Ничего без меня не трогай!

– Ладно, не первый год замужем, – огрызнулась я.

– Вот именно! – с намеком на мое одинокое семейное положение отозвался Гарик.

– Ты давай побыстрее, а то, знаешь ли, в компании трупа не очень-то приятно коротать время.

– Ну, ты же туда так спешила! – брызнул напоследок ядом мерзкий Папазян и отключил связь.

Я вздохнула, оставшись в чужой квартире наедине с трупом. Трогать я ничего и не собиралась – в конце концов, не мне вести это дело! А Гарик, между прочим, прекрасно знает, что если я и проведу предварительное обследование квартиры, то дело от этого только выиграет! Но... Не хочет, как хочет – пусть копается сам! Я ему тоже нормально отомстила за неуместную и неадекватную ревность – пускай теперь получит новое дело перед отпуском!! И пусть попробует его не раскрыть!

Так я злорадствовала про себя, присев на край дивана. Но тут же решила, что нужно хоть немного прояснить ситуацию, и полезла в сумку за замшевым мешочком с драгоценными косточками. Миг – и прогноз на ближайшее будущее у меня перед глазами.

33+20+4 – Если вы не хотите понапрасну мучиться тревогами – не ищите сейчас решения волнующей вас проблемы.

Они что, не могли сказать поконкретнее? И вообще – я только сейчас вспомнила – перед поездкой к Герасименко домой мои кости, вместо того чтобы предупредить меня о том, что здесь меня ждет труп, выдали мне какую-то чушь насчет того, что я разбиваю Гариково сердце! Вот уж, прямо скажем, ценная информация! Что-то мои помощники начали халтурить... Нет-нет, они ни в коей мере не обманули меня – такого с моими двенадцатигранниками вообще никогда не случается, иначе я бы перестала иметь с ними дело, – но почему они промолчали о смерти Герасименко?

Я снова взглянула на выпавшую передо мной комбинацию и даже на всякий случай заглянула в толкователь, хотя давным-давно знала расшифровки всех комбинаций наизусть. Ну да, все верно – не ищите сейчас решения волнующей вас проблемы. И что же это означает? Что меня волнует? Понятно что: смерть Герасименко. И смерть, скорее всего, насильственная, поскольку даже при случайном падении удариться до такой степени ему было бы просто не обо что. Значит, кости хотят сказать, что мне решать проблему того, кто помог Валерию Васильевичу перейти в мир иной, не стоит. Проще говоря, не мое это дело. И толкование насчет разбитых мужских сердец означает то же самое – не нужно мне лезть в это дело, это не мое. Зря я грешу на своих помощников, они всего-навсего оберегают меня от ненужной работы. И в самом деле, разве расследование того, кто убил Герасименко, мое дело? Это дело Папазяна! Папазяна, которого носит неизвестно где, хотя с момента моего звонка прошло бог знает сколько времени!

Я взглянула на часы. На самом деле прошло всего четыре минуты, и Гарик просто физически не смог бы добраться до дома Герасименко за такое время. Нужно просто терпеливо ждать. Затем все объяснить и спокойно отправляться домой по своим делам – продолжать наслаждаться свежей летней погодой и разбивать мужские сердца. Правда, особых охотников

добровольно разбить сей ценный орган, кроме Гарика, пока что-то не наблюдается... Но ведь это пока!

Я заставила себя воспрянуть духом и, встав с дивана, походила по комнате туда-сюда, стараясь не наткнуться взглядом на тело Герасименко, распростертое на полу. Мало-помалу, несмотря на неординарность положения, ко мне вновь начинали возвращаться черты, присутствующие моему неугомонному характеру. Осторожно, но в то же время широко шагая, я первым делом двинулась к входной двери и, опираясь кулаком, прикрыла ее поплотнее, но не до конца. Затем принялась обследовать всю квартиру.

На первый взгляд все кругом было вполне обычно. В комнатах и на кухне царил почти что образцовый порядок. Никаких следов борьбы или поспешных поисков.

Я вновь подошла к трупу Герасименко. Внимательно осмотрев его, я постепенно пришла к выводу, что хозяина, чувствовавшего себя в совершенной безопасности под сенью подвесного потолка, кто-то вдруг, прямо как в сказке, совершенно неожиданно ударил сзади по голове чем-то очень твердым и тяжелым, раскроив изрядно череп. У него, бедняги, наверное, в глазах свет погас быстрее, чем в электрической лампочке. Как-то все же не укладывается в голове – совсем недавно разговаривала с человеком по телефону, рассчитывала увидеть его живым и невредимым, а теперь...

Прошло, наверное, минут двадцать, прежде чем появился Папазян со своими братьями по оружию.

– Здравствуй, Таня, ну как ты тут? – обратился он ко мне.

Несмотря на нарочито небрежный тон, я почувствовала в голосе Гарика тревогу. Это означало, что если даже он и продолжает дуться на меня в глубине души, то это чувство не выступает на первый план. Я сделала движение рукой в сторону трупа, полагая, что это будет наиболее красноречиво в данной ситуации.

Папазян хмуро осмотрел мертвого Герасименко и сказал одному из своих спутников:

– Коля, давай, принимайся за дело.

Невысокий квадратный Коля, в рубашке военного покроя с короткими рукавами, но без погон, тут же принялся давать распоряжения и указания, распределяя между прибывшими подвернувшуюся по воле случая работу. Кто-то принялся тщательно и скрупулезно изучать место преступления, кто-то отправился опрашивать соседей. А совсем молодой паренек-практикант начал пристраиваться за столом для того, чтобы составлять протокол осмотра места происшествия.

– Ты как, в порядке? – приобнял меня Папазян.

– Понимаешь, я ведь только часа два назад с ним по телефону беседовала, помнишь? Мы при тебе договорились, что я приду сюда, а тут...

Я беспомощно развела руками. Мол, вот какая неприятная штука произошла, но ничего теперь не исправишь, как ни старайся.

– А зачем ты к нему, собственно, заявилась? – подозрительно спросил Папазян.

– Господи, Гарик! Я же тебе уже сто раз объясняла! – с досадой проговорила я. – Подвозила я его вчера! Ну, попросил человек подвезти. На вокзал, говорит, опаздываю, жена уезжает. А он как верный муж обещал проводить. Ну, подвезла, а когда домой вернулась, смотрю, он записную книжку в салоне выронил.

– В твоей машине? – уточнил капитан.

– Да. А сегодня я по этой книжке – опять же при тебе! – позвонила его знакомому, узнала его телефон и сама позвонила ему. Вот, собственно, и все.

– А дверь в квартиру, говоришь, была открыта? – прищурился Гарик.

– Конечно, – ответила я. – Неужели ты думаешь, что я бы стала взламывать ее? Никто не отзывался. Я заглянула в комнату, а здесь он лежит, мертвый...

– Так, значит, – произнес Папазян, по-видимому, что-то для себя подытоживая. – Интересная картинка...

Он не спеша прошелся по комнате и, оказавшись рядом с экспертом, колдовавшим поблизости от трупа, спросил:

– Ну, как там дела, что-нибудь есть?

– Ударили его, похоже, вот этим. Вот, смотри, даже кровь видно, – эксперт указал на огромную стеклянную пепельницу размером с пивную кружку, обильно покрытую многочисленными выступающими рубцами по всей окружности.

Пепельница напоминала скорее больших размеров шестеренку. Хотя, возможно, это была и не пепельница, и предназначалась сия стекляшка для чего-то иного.

– Наверное, не меньше килограмма весит, – добавил эксперт.

– А где ты ее нашел? – спросил его Папазян.

– Да вот здесь же она и стояла, – собеседник указал на верх книжного шкафа.

– Так, понятно, – сказал капитан, поднеся кулак ко рту и придав лицу задумчивое выражение. – Сергей Сергеевич, а у тебя что?

Сергей Сергеевич, пожилой, полноватый мужчина с лысеющей головой, в отлично сшитом, но уже довольно поношенном пиджаке поднял голову, отвлекаясь от Герасименко, промолвил:

– Смерть наступила примерно час-полтора тому назад в результате удара по голове твердым предметом. Черепно-мозговая травма. Более подробно я смогу тебе сказать уже после полного осмотра.

– Следовательно, у нас такая картина получается, – поделился своими выводами с окружающими Папазян. – Убийца взял вот эту посудину и одним ударом отправил свою жертву к праотцам, а затем не бросил ее, а аккуратно поставил. Причем не куда-нибудь, а на шкаф. Пусть это и не так уж высоко, но все-таки он мог бы, к примеру, поставить ее сюда – на стол...

Капитан показал на маленький столик в углу, с лампой под желтым абажуром.

– А может, нарочно поставил, чтобы подальше от глаз, – предположил обнаруживший оружие убийства.

– Да нет! – не согласился с ним Гарик. – Спрятать он это мог бы и похитрее. Скорее всего, сам по себе он человек далеко не маленьких размеров. Ему легче было поставить это сюда, чем нагибаться к столу. Да и силы, и нервов у него, слава богу, хватает, не занимать.

– Проходил тут мужчина, высокий такой, я еще внимание на него обратила. Было в нем что-то такое очень странное, – вспомнила я.

– А что за мужчина? – спросил тот, кого звали Колей.

– Высокий, худой, носатый. Нос у него большой. Довольно молодой человек – лет тридцать или около того. Так странно все время озирался из стороны в сторону.

– Где ты его видела? – спросил Папазян.

– Здесь, во дворе. Я подходила, а он мне навстречу из подъезда.

– А что еще ты запомнила? Во что он был одет? Может быть, приметы какие особые? – явно оживился Гарик.

– На нем была светлая ветровка, белая. Или, скорее сказать – грязно-белая. Будто застиранная. Рубашка светло-голубая. Брюки темные. А вот обувь я не запомнила.

– Ну ладно, хорошо, – Папазян вздохнул, а я была благодарна, что он не стал высказывать своих дурацких шуток типа, что я обращаю внимание на всех подряд мужчин. Похоже, Гарик полностью окунулся в свалившееся на его голову благодаря мне дело. Ну и слава богу!

– Да, у него еще шрам над глазом, – услужливо подсказала я. – Вот тут, – я показала рукой, используя для пущей ясности свой лоб как наглядное пособие. – Маленький, но глубокий.

– Ну, это уже фоторобот, товарищ капитан, – удовлетворенно произнес Коля, обращаясь к Папазяну.

– Так глаз же – алмаз! – произнес с гордостью за меня Папазян. – Да, кстати, а записная книжка где? Ты все-таки мне ее отдай.

Я полезла в сумочку и, чего уж там греха таить, нехотя извлекла из нее коричневую записную книжку Герасименко. Мои движения как бы говорили Гарику: «Ну, до чего же ты бываешь мелочным!»

– Вот, – в моем голосе слышались еле заметные обида и раздражение. Хотя зачем, в сущности, мне теперь эта книжка?

Страж порядка взял книжку и, согнув странички, быстренько перелистал их, придерживая пальцем правой руки.

– Ну вот, теперь есть что почитать, – удовлетворенно произнес он, впечатленный обилием информации. – Да, и вот еще что, давай-ка пройдем на кухню. Мне нужно тебе кое-что сказать наедине.

Я пожала плечами и направилась в сторону кухни. Когда мы остались вдвоем, Папазян, немного смущаясь и потирая руки, сказал:

– У меня к тебе будет нижайшая просьба. Раз уж ты подкинула мне это дело накануне отпуска... Теперь уж никуда не денешься, но...

– А если короче, Гарик, – прервала я мямленье капитана.

– В общем, ты в это дело не лезь! – выдохнул Папазян.

– О чем ты? – Я как могла округлила свои зеленые глаза. – С какой это стати я начну заниматься делом, которое не имеет ко мне никакого отношения?

– Так уж и никакого! – всплеснул руками Гарик. – А кто нас вообще сюда вызвал?

– Слушай, я думаю, ты все же на меня сердисься, – сама начала злиться я. – Ты же знаешь, что я работаю по заказу клиента. А расследовать смерть Герасименко меня никто не нанимал! Так что оставь свои предупреждения, они мне совершенно непонятны! Или ты надеешься, самостоятельно раскрыв это дело, получить к отпускным еще и премию? А может, и майорские погоны? – фыркнула я.

– Ладно, ладно, – махнул рукой Гарик. – На что я надеюсь, мое дело. Тебя же мои заботы не волнуют! – Папазян не отказал себе в удовольствии вновь намекнуть на мои черствость и холодность. – Кстати, ты не знаешь случайно, куда вчера уехала жена убитого?

Я пожала плечами:

– К матери. Он мне сам об этом сказал...

– А где она живет, не знаешь?

– Нет, вот этим не интересовалась, – усмехнулась я. – Думаю, что тебе несложно будет это выяснить. И вообще, если уж это твое дело, так и расследуй сам! К чему тебе моя помощь?

Глава 2

Прошло два дня с того момента, как мне довелось стать свидетельницей убийства. Я успела уже пару раз пообщаться с работниками уголовного розыска, задававшими мне одни и те же уточняющие вопросы – Папазян неожиданно уехал в командировку в Москву, поручив дело об убийстве Герасименко своим коллегам. Все они не были знакомы со мной и не знали моих способностей в частном сыске. А Папазян, скорее всего, нарочно не стал их об этом информировать. Они вели себя, по моему мнению, порой не очень профессионально, задавая много лишних вопросов. Но я честно выполнила свой долг и ответила на все.

В общем-то, дело Герасименко я могла считать для себя законченным. Через месяц просто позвоню Папазяну и поинтересуюсь, кто же все-таки угробил Валерия Васильевича, раньше Гарик все равно не раскроет это убийство. Своего дела у меня на данный момент не было, и я начала подумывать о том, чтобы укатить на пару недель куда-нибудь к морю и вкусить наконец прелести лета в полном объеме. Так бы я, скорее всего, и поступила, если бы не телефонный звонок, раздавшийся в моей квартире через три дня после убийства Герасименко. Было уже достаточно поздно, и я собиралась вскоре лечь спать, так что даже раздумывала, брать трубку или нет. И все-таки решила ответить.

– Добрый вечер, я могу поговорить с Татьяной Александровной? – Глубокий мужской голос показался мне знакомым.

– Я слушаю, – коротко отозвалась я.

– Стекольников Владимир Алексеевич беспокоит, – представился мужчина.

В доли секунд пронеслись воспоминания в моей голове. Записная книжка Герасименко, открытая мною страница и фамилия Стекольников... Именно этому человеку позвонила я, когда пыталась узнать, как мне вернуть книжку владельцу, именно этот человек и подсказал мне координаты еще живого тогда Герасименко. И вот теперь он сам звонит мне.

– Слушаю вас, Владимир Алексеевич, – повторила я, ломая голову, что же ему понадобилось.

– Татьяна Александровна, не буду ходить вокруг да около. Одним словом, мне известно, что вы частный детектив. И в этой связи хочу предложить вам раскрыть одно дело.

– Уж не убийство ли Валерия Васильевича? – подняла я брови.

Стекольников замаялся.

– Не совсем так, – наконец ответил он. – Но... Одним словом, по телефону это лучше не обсуждать. Вы разрешите мне подъехать к вам прямо сейчас?

– Ну хорошо, – согласилась я, продолжая недоумевать, как Стекольникову стало известно обо мне. – Вы и адрес мой знаете?

– Знаю, – окончательно обескуражил меня Владимир Алексеевич. – Так что ждите, через пятнадцать минут я буду у вас. Я буду один, – уточнил он.

До приезда Стекольникова я успела выпить кофе и погадать на костях.

33+20+6 – Вскоре вы успешно завершите крайне утомительную работу, результатами которой для Вас будут почет и уважение. Вот что они мне сказали.

Что ж, это означает, скорее всего, что Стекольников собирается подкинуть мне трудную работенку. Но «почет и уважение», которые я заслужу в итоге, наталкивают на решение согласиться ее выполнить. Впрочем, не стоит спешить с выводами, посмотрим вначале, что же конкретно предложит мне Владимир Алексеевич. Кстати, я даже не знаю, кто он такой и какое отношение имеет к Герасименко. Хотя это я очень скоро выясню.

Стекольников оказался высоким, крупным мужчиной лет сорока. Несмотря на чуть расплывшую фигуру, он еще был довольно привлекательным, следящим за собой мужчиной.

Весь его вид был исключительно деловым, даже несколько напыщенным. Стекольников с порога задал официальный тон, и я его приняла.

– Уважаемая Татьяна Александровна, дело в том, что у меня произошла... одна неприятность, – начал он и вопросительно посмотрел на меня.

Я, не понимая еще, в чем дело, молча ждала продолжения. Стекольников прокашлялся.

– Дело очень деликатное, – он снова посмотрел на меня.

– Я поняла, – кивнула я. – Только давайте все же сначала пройдем в комнату, и я сама задам вам несколько вопросов, а потом уже вы расскажете мне о вашем деликатном деле.

– Хорошо, – через секунду выдохнул Стекольников, проходя за мной в комнату и устраниваясь в кресле. Я любезно предложила кофе, он отказался, а я налила себе еще одну чашечку.

– Для начала все-таки скажите: как вы узнали обо мне? – спросила я.

Стекольников вздохнул.

– Все очень просто, – принялся объяснять он. – У меня на телефоне стоит определитель. Так что ваш номер мне стал известен еще пару дней назад, когда вы позвонили по поводу Герасименко. Но тогда я не обратил на него особого внимания. И вдруг в тот же день я узнаю о смерти Валерия – позвонили из милиции...

«Гарик постарался, – подумала я. – Имея на руках записную книжку Герасименко, он, конечно же, обзвонил всех, кто там указан. Что ж, наверное, правильный ход».

– Так вот, – продолжал тем временем Владимир Алексеевич. – Как только я узнал о его смерти, то заинтересовался таинственной дамой, звонившей по его поводу. Я навел справки по своим каналам и был, признаюсь, весьма удивлен, узнав, что эта дама – частный детектив. Кстати, в этой связи – можно, я задам вам вопрос?

– Пожалуйста, – кивнула я.

– Валерий действительно забыл у вас в машине записную книжку?

– Действительно, это так, – подтвердила я.

– И вы не были с ним знакомы?

– Не была. Я просто подвозила его на вокзал, он очень спешил.

– Да, он провожал Веронику, – пробормотал Стекольников себе под нос. – Ну, бог с этим! Одним словом, я выяснил, что вы частный детектив, и меня это заинтересовало. И вот почему...

Стекольников кашлянул, никак не решаясь перейти к делу.

– Я вас еще раз перебую, – сказала я. – Вы сами какое отношение имеете к Герасименко? Вы его друг?

– Можно сказать, приятель, – ответил Владимир Алексеевич. – Хотя в первую очередь коллега.

– Вот как?

– Да, мы работали вместе. И вот как раз с работой-то и связано то дело, с которым я пришел к вам.

Стекольников повозился в кресле, вздыхая и явно нервничая.

– Может быть, закурите? – предложила я.

– Спасибо, – обрадованно посмотрел на меня Стекольников и тотчас вынул из кармана пачку сигарет. – Я как-то по-дурачки начал... Просто я разволновался что-то. Сейчас я возьму себя в руки и все объясню.

И Владимир Алексеевич вытер платком вспотевший лоб.

– Одним словом, у меня из фирмы пропали деньги, – выпалил Стекольников. – В милицию я, как вы понимаете, не заявлял...

– Пока не понимаю, – возразила я. – Почему?

Стекольников как-то снисходительно посмотрел на меня.

– Во-первых, я милиции не доверяю. Да ладно бы еще, если б пропали какие-то вещи, а то деньги... Во-вторых, дело касается узкого круга людей. Моих ближайших знакомых, – подчеркнул он. – Поэтому я и решил обратиться к вам. Точнее, это один из моих знакомых был настолько любезен, что порекомендовал мне вас в качестве детектива. Я навел справки и убедился, что вы действительно... гмм... раскрыли немало преступлений.

– Хорошо, – проговорила я и сразу же услышала облегченный вздох Стекольников. – А теперь вы должны посвятить меня во все подробности этого дела, слышите? Не скрывать ничего, даже самых мелких деталей, понятно?

– Конечно, – ответил Стекольников.

Успокоенный моим ответом, он опять принял свой обычный напыщенный вид и произнес:

– Спрашивайте.

– Прежде всего, какая именно сумма пропала?

Стекольников назвал.

– Наличными? – уточнила я.

– Да, – кивнул Стекольников. – Я должен был получить перевод и получил. Пришло извещение из банка, за деньгами поехал мой заместитель. Он привез деньги, и я положил их в сейф.

– При нем?

– Да, – несколько удивленно ответил Стекольников. – У меня от него секретов нет, мы давно работаем вместе. Я положил деньги в сейф и запер на ключ.

– Ключ есть только у вас? – нахмурившись, продолжала свой допрос я.

– Нет, еще у Аркадия. Это и есть мой заместитель, Аркадий Дмитриевич Расстегаев. Я и раньше держал деньги там, и Аркадию прекрасно было об этом известно. И никаких инцидентов не случилось.

– А кто еще видел, как вы положили деньги в сейф?

– Только моя секретарша Эльвира. Поскольку тот сейф находится в приемной, где она сидит. Но у нее ключей от сейфа нет и никогда не было, – поспешно добавил Стекольников. – Она их в руках-то никогда не держала. И вообще, Эльвира очень милая девушка, работает хорошо...

– И давно она у вас работает?

– Скоро год. Нет, если вы думаете на Эльвиру, то оставьте свои подозрения, этого просто не может быть, это абсурд!

– Я пока что ничего не думаю, – мило улыбнулась я. – Но уж если вы меня наняли, то позвольте все-таки мне задавать вопросы и самой решать, с чего начинать расследование.

– Разумеется, – сухо вато кивнул Стекольников. – Я только хотел оградить вас от излишней работы. Итак, дальше?

– Кто еще работает вместе с вами? И чем конкретно занимается ваша фирма?

– Наша фирма занимается продажей газового оборудования. У нас небольшой офис на Московской. Всего в офисе работает четыре человека. Вернее, уже работали, поскольку Валерия больше нет... – Стекольников помрачнел.

– Эти четверо – вы, ваш заместитель Аркадий, секретарша Эльвира и покойный ныне Герасименко? – уточнила я.

– Совершенно верно, – подтвердил Владимир Алексеевич.

– А Валерий Васильевич говорил о каком-то складе, – припомнила я.

– Да-да, еще у нас есть склад, он находится в другом месте. Мы там появляемся периодически. В основном все сводится к компьютерной работе в офисе.

– У вас только один сейф?

– Нет, еще есть в моем кабинете. Но он был заполнен, и я воспользовался тем, что стоит в приемной.

– Когда деньги были положены в сейф?

– Неделю назад, шестого числа, после обеда, около трех часов дня, – отчеканил директор фирмы. – Около восемнадцати тридцати я поехал домой.

– В офисе кто-нибудь еще оставался после вашего отъезда?

– Нет, никого.

– А вы, перед тем как ушли, не заглянули еще раз в сейф?

– Нет, – немного растерянно ответил Стекольников. – Мне и в голову не приходило...

– Понятно, – усмехнулась я. – И когда же обнаружилась пропажа денег?

– За день до смерти Валерия. Я открыл сейф, чтобы взять некоторые документы, посмотреть их дома, и увидел, что денег нет. Они лежали на верхней полке, завернутые в пакет. Больше наверху ничего не было. Ну и я сразу заметил, что полка пуста...

– А больше ничего не пропало?

– Нет, я все просмотрел. Сразу же позвал Аркадия с Валерием и сообщил о случившемся. И с Эльвирой поговорил. Она сказала, что весь день из приемной практически не отлучалась.

– И замок не взломан?

– Нет-нет, с этим все в порядке.

– Все же вам следовало вызвать милицию, – сказала я. – Они по крайней мере определили бы, чем открывали сейф – ключом или отмычкой.

– Господи, да какая разница! – раздраженно махнул рукой Стекольников. – Вы думаете, меня это интересует?

– Я понимаю, что прежде всего вас интересуют деньги, – снова усмехнулась я. – Но эта информация облегчила бы работу детектива.

«Как можно не понимать таких элементарных вещей?» – с недоумением подумала я про себя.

– Вы так считаете? – несколько смущенно и озадаченно проговорил Стекольников. – Но может быть... Может быть, возможно провести эту... экспертизу без участия сотрудников правоохранительных органов?

– Не обещаю, но постараюсь это устроить, – уклончиво ответила я, вспоминая об одном из своих знакомых, компетентном в данном вопросе. – А теперь скажите, кому еще, кроме сотрудников фирмы, было известно о том, что вы должны получить деньги?

– Никому, – твердо ответил Стекольников.

– Что, и дома вы тоже об этом не говорили? – недоверчиво спросила я.

– Ах, дома... Ну, дома говорил, конечно, жене, ну и что? Вы же не думаете, что моя жена станет красть у меня деньги? – Стекольников опять начал раздражаться.

– Повторяю – я пока ничего не думаю, – спокойноотреагировала я. – Но мне нужны все детали. Мы же договорились, что вы не станете от меня ничего скрывать.

– Да я не скрываю! Я просто не считаю, что это важно. Я просто хочу сказать, что искать нужно в другом направлении!

– А вы знаете, в каком? – с интересом спросила я.

– Я? Нет, – стушевался Стекольников. – Я потому вас и нанял, что вы должны знать это лучше меня, если вы детектив!

– Заметьте, не я к вам напросилась, – проговорила я. – И раз уж вы доверились мне, еще раз прошу предоставить право мне решать, с чего начинать. Я думала, что вы можете предполагать, с какой стороны к вам пришли неприятности, потому и задала этот вопрос. А вы, кстати, подумайте, кому бы это могло быть выгодно из ваших знакомых? Ведь не случайно же к вам залезли? Вору прекрасно было известно, что вы получили деньги и где вы их храните.

– Вы что же, хотите сказать, что меня обокрал кто-то из самых близких мне людей? – закипятился Стекольников.

– Или тот, кому кто-то из ваших близких сообщил информацию. Может быть, не нарочно, а по простоте душевной.

– Но... Я просто не знаю, на кого подумать! Аркадий? Валерий? Исключено. Эльвира? Чушь! Да и где бы она взяла ключ? Валентина? Глупости!

– Простите? – перебила его я.

– Валентина – это моя жена, – пояснил Стекольников. – Еще у меня есть дочь Мария. Надеюсь, вы на нее не думаете? – с ехидцей спросил он.

Я промолчала, поскольку понимала, что если деньги у Стекольниковых украл и не кто-то из близких ему людей, то уж, во всяком случае, по наводке кого-то из них. Иначе и быть не может. Посторонний человек не мог знать, когда Стекольников получит деньги. Конечно, можно было заподозрить кого-то из сотрудников банка, но им попасть в офис было бы затруднительно опять же без помощи кого-то из имеющих отношение к фирме Стекольниковых. Данную версию, естественно, тоже нельзя исключать, но ее лучше оставить на потом, а пока заниматься ближайшим окружением Стекольниковых.

Он, конечно, не верит в это, под влиянием эмоций не может оценить ситуацию объективно, но я немало повидала на своем веку. Порой преступниками становились люди, которые на первый взгляд не способны в троллейбусе проехать зайцем. И Стекольниковых нужно убедить в том, что мне необходимо познакомиться с его друзьями, коллегами и родственниками.

– Владимир, – сказала я после паузы. – Мне нужно познакомиться с вашими сотрудниками. В первую очередь с вашим заместителем Расстегаевым. Кроме того, я бы очень хотела побеседовать с вашей супругой.

Было видно, что Стекольникову как раз этого совсем не хочется, но все же он наконец понял, что если уж обратился к детективу, то тот будет настаивать на своих методах расследования. А без знакомства с людьми, посвященными в курс дела, это сделать будет затруднительно. Поэтому он ответил:

– Хорошо. Скажите, когда бы вы хотели этим заняться?

– Лучше, конечно, прямо сегодня. Но это, наверное, уже не получится – поздно...

– Да, в фирме, естественно, уже никого нет. А Валентина отправилась к своим родителям и сказала, что приедет только к ночи.

– Хорошо, тогда завтра. Давайте начнем с визита в ваш офис. В какое время там будет Аркадий Расстегаев?

– Да прямо с утра, часов с девяти. Давайте сделаем так: я вам позвоню, как только он подойдет, и вы приедете. Я вас встречу.

– Отлично, – кивнула я. – Договорились.

– Что ж, – Стекольников поднялся. – Если у вас пока больше нет вопросов, то я могу идти?

– У меня есть еще один вопрос, – остановила я его. – Почему вы обратились ко мне именно сегодня? Ведь прошла уже неделя с тех пор, как пропали деньги! Я понимаю, что раньше вы не знали обо мне, но ведь должны же были принимать какие-то меры.

– Дело в том, что я надеялся сам разобраться, – глядя в сторону, проговорил Стекольников.

Я пристально посмотрела на него.

– Владимир Алексеевич, мы же договорились, что вы будете со мной откровенны. А сейчас я вижу, что вы чего-то недоговариваете. Так не пойдет. В этом случае я вообще откажусь вам помогать, потому что просто не буду иметь достаточно информации для расследования, поймите.

Стекольников снова опустился в кресло, схватился за платок и вытер лоб.

– Никакой информации я от вас не утаиваю, – проговорил он. – Просто... Это всего лишь мое предположение...

– Какое предположение? – настойчиво спросила я. – Да говорите же, в конце концов, ваши же деньги пропали, не мои!

– Одним словом, я решил обратиться к вам, потому что узнал, что Валерия убили, – ответил Стекольников, нервно теребя посеребривший платок.

– Вот как? Вы что же, считаете, что эти два события связаны?

Стекольников занервничал.

– Нет, я не... Просто... Не знаю, может... – заметался он.

– Что конкретно вам известно? – теряя терпение, спросила я.

– Конкретно ничего, – сразу как-то успокоившись, сказал Стекольников. – Правда ничего. Просто как-то странно: два таких события из области криминала, буквально одно за другим...

– Вы все-таки подозреваете Герасименко? – в упор спросила я.

– Не знаю, – со вздохом развел руками Стекольников. – Честное слово, не знаю, что и думать. Мы знали друг друга не первый год, деньги в сейфе тоже не первый раз остаются... И никогда раньше ничего подобного не было. Ведь мы работали вместе пять лет! И все же... Что-то в поведении Валерия появилось странное в последнее время.

– Что именно?

– Не знаю, не знаю, какой-то он ходил возбужденный. Порой, наоборот, становился задумчивым и рассеянным. Видите, даже записную книжку забыл у вас в машине! Вообще-то это на него не похоже.

– А вы не пытались с ним поговорить об этом?

– Нет, – пожал плечами Стекольников. – Я тогда и представить не мог, что за этим стоит нечто столь серьезное. Я, признаться, до сих пор не уверен, что это его поведение связано с пропажей денег. Когда я сообщил о краже, Валерий вел себя, как мне показалось, вполне искренне.

– А жена Валерия Васильевича сейчас в Тарасове? – спросила я.

– Да, конечно, она вернулась сразу, как только узнала о смерти мужа.

– Ладно, пока вопросов у меня нет. Но они непременно появятся завтра.

– Тогда давайте обсудим сумму гонорара и задатка, – несколько церемонно предложил Владимир Алексеевич.

Я назвала свой тариф, и Стекольников молча отсчитал нужную сумму.

– В случае успеха я обещаю вам премию, – добавил он важно.

– Надеюсь, что все закончится успешно, – прощая Владимира Алексеевича, сказала я. Перед сном я успела еще раз бросить кости.

16+26+3 – Впереди бурные, беспокойные времена. Пусть неприемлемые для вас события не оскорбляют вас, а только дают толчок к самосовершенствованию.

Ну, совсем уже... Впрочем, если это намек на Гарика, то в точку. Значит, все это только ради того, чтобы я получила от Папазяна толчок к самосовершенствованию, занялась этим делом и утерла ему нос, да? Хотя почему бы и нет. Ничего особенного кости мне не сказали, а просто дали толчок к этому самому... Самосовершенствованию.

Вот на этой оптимистической ноте я и завалилась спать.

На следующий день меня разбудил телефонный звонок Стекольниковца.

– Доброе утро, Татьяна Александровна, – напыщенным тоном приветствовал он меня. – Сообщаю, что Аркадий Дмитриевич уже прибыл в офис, так что вы можете тоже подъезжать. Вас встретят у входа и проведут ко мне. Адрес следующий...

Я пообещала подъехать через сорок минут, а сама пошла приводить себя в порядок и завтракать. Пока я принимала душ, в микроволновке подогревалась пицца, а в кофеварке варился кофе.

На одевание и макияж у меня ушло пятнадцать минут, а через полчаса после пробуждения я уже подъехала к зданию, где располагался офис фирмы «Ритм».

У входа стояла молодая девушка, лет двадцати трех. У нее было милое лицо со вздернутым носиком и озорными зелеными глазами. Рыжие волосы мелкими кудряшками обрамляли лицо. Увидев припаркованную «девятку», девушка шагнула мне навстречу.

– Добрый день, – с улыбкой поприветствовала она меня, когда я вышла из машины. – Вы Татьяна Александровна?

– Да, – сказала я.

– Меня зовут Эльвира, я секретарь фирмы. Владимир Алексеевич просил меня вас проводить.

– Благодарю, – ответила я и прошла за девушкой в здание.

Мы поднялись на второй этаж, Эльвира толкнула металлическую дверь, и мы очутились в приемной. Эльвира показала на кожаную дверь в кабинет и сказала:

– Проходите туда, там Владимир Алексеевич и Аркадий Дмитриевич.

Я отметила, что вообще-то секретарше не мешало бы самой доложить начальству о том, что я приехала, но, видя, что Эльвире не приходит это в голову, постучала в дверь и, услышав в ответ «да-да», вошла в кабинет.

Стекольников сидел за массивным столом в кресле, по левую сторону от него также в кресле расположился мужчина лет тридцати семи. У него были черные волосы, умные серые глаза и тонкий нос с горбинкой. Черты лица мужчины были лишены смазливости, тем не менее я отметила, что он был довольно привлекателен внешне.

– Доброе утро, Татьяна Александровна, присаживайтесь, пожалуйста, – Стекольников указал на свободное кресло с правой стороны от него. – Знакомьтесь, Аркадий Дмитриевич Расстегаев, мой заместитель. Татьяна Александровна Иванова, частный детектив.

И я, и Расстегаев поприветствовали друг друга дежурными фразами, после чего Аркадий Дмитриевич сказал:

– Я, конечно, в курсе, с какой целью вы здесь. Теперь вы, вероятно, захотите задать мне какие-то вопросы?

Мне показалось, что я увидела некую усмешку в глубине глаз Расстегаева, но не стала заострять на этом внимание и спокойно сказала:

– Разумеется. Для начала скажите – ваш ключ от сейфа на месте?

– Да, конечно, – ответил Расстегаев и полез в карман.

Он достал связку ключей и показал на один из них:

– Вот он.

– И вы никому его не давали?

Расстегаев снисходительно посмотрел мне в глаза.

– Я не имею привычки давать свои ключи кому бы то ни было, – ответил он.

– Похвально, – кивнула я. – А кто-нибудь мог воспользоваться им втайне от вас?

– Нет. Ключи всегда лежат в моем кармане. Залезть в него так, чтобы я не заметил, а потом так же незаметно положить обратно – весьма проблематично. Либо это должен быть карманник высшей категории. Но среди моего окружения таковых, насколько мне известно, нет.

– У вас есть какие-то версии по поводу случившегося? – прямо спросила я.

Расстегаев внимательно посмотрел на меня и промолчал.

– Аркадий Дмитриевич, я задала вам вопрос, – надавила я. – В конце концов, вы ведь сами заинтересованы в том, чтобы ваши деньги нашлись.

– Да, безусловно. Но если бы у меня были версии, я бы постарался сам их отработать, – подчеркнул Расстегаев.

Я поняла, что этот человек настроен весьма скептически к моему появлению и не верит в то, что я смогу найти деньги и вора. Очевидно, это был тип, который считал мужчин высшими созданиями, а женщин – так, приложением к ним. Однако я не стала разубеждать его.

«В конце концов, пусть за меня скажут мои успехи, – подумала я. – Или неуспехи. И то и другое справедливо. Или это насчет Расстегаева вчера поведали мне кости? А я уж грешным делом начала привязывать Папазяна...»

– Хорошо, тогда скажите, мог ли кто-нибудь, кроме вас, залезть в сейф в течение рабочего дня?

– Теоретически только Эльвира, – пожал плечами Расстегаев. – Но это только теоретически, поскольку ключей у нее нет.

Я заметила, что Стекольников заволновался.

– Я вам уже говорил насчет Эльвиры, что... – начал было он, но я перебила его:

– Я прекрасно все помню, Владимир Алексеевич. Не беспокойтесь, обвинять кого-то просто так я не собираюсь. Тогда выходит, что деньги были украдены после рабочего дня? То есть ночью?

– Наверное, – сказал Расстегаев и насмешливо посмотрел на меня.

«Какого черта было меня нанимать, если заранее считаешь это чушью? – начала закипать я. – Впрочем, нанял меня Стекольников, а не он...»

Стараясь не обращать внимания на скепсис на лице Расстегаева, я задала следующий вопрос:

– Как охраняется это помещение?

– Здание на сигнализации. Кроме того, я распорядился установить сигнализацию конкретно в помещении своего офиса, – ответил Стекольников.

– И обе сигнализации в порядке?

– Да, совершенно верно.

– Наверное, это специалист-универсал, – заявил Расстегаев. – Он виртуозно крадет ключи из карманов, потом так же кладет их обратно, ночью проникает в здание, отключив обе сигнализации, а затем вновь их включая. Причем делает все это, оставаясь невидимым!

– Владимир Алексеевич, – холодно проговорила я, не обращая внимания на издевательский тон Расстегаева, – я уже говорила, что хотела поближе познакомиться с вашим окружением. Аркадия Дмитриевича я уже имела честь узнать, теперь...

– Да-да, я помню, – кивнул Стекольников.

Он, конечно, тоже заметил скептическое отношение Расстегаева ко мне и посчитал за лучшее свернуть данный разговор.

– Я уже подумал над этим и нашел хороший выход. Сегодня вечером я соберу всех своих близких у себя дома. Там будут и моя жена, и Аркадий Дмитриевич, и Эльвира. Естественно, и наша дочь. Вот практически весь круг моего общения. За исключением, конечно, деловых связей и дальних родственников. Я посчитал за лучшее пригласить вас к себе. Там вы сможете поближе познакомиться со всеми и убедиться, что эти люди не имеют...

– Я вас поняла, спасибо, – ответила я и поднялась. – Только скажите мне, пожалуйста, ваш адрес.

– Разумеется, – чинно кивнул Стекольников и продиктовал адрес. – Приезжайте, пожалуйста, к шести часам.

Курносая Эльвира, листаящая журнал, не поднялась мне навстречу, чтобы проводить до дверей. Она лишь пробормотала «всего хорошего», не отрываясь от журнала, и поправила рыжую волнистую прядь.

Я в ответ также пожелала ей всего доброго и покинула офис фирмы «Ритм». Собственно, до шести вечера у меня была куча времени, и я решила потратить его с пользой для дела. Не мешало бы пообщаться с вдовой Герасименко, эта женщина могла бы мне помочь. Конечно, можно посчитать нетактичным и неудобным беспокоить жену убитого в эти дни. В конце концов, у нее и без меня забот хватало, да и милиция наверняка ей уже все нервы вымотала. Но речь шла о серьезном деле, поэтому ни о каких церемониях в данном случае и речи быть не могло. И я без колебаний набрала номер телефона квартиры Герасименко.

– Здравствуйте, – спокойно начала я. – Скажите, могу я поговорить с женой Валерия Васильевича?

– Да, я вас слушаю, – ответил усталый женский голос.

– С вами говорит одна знакомая вашего мужа. Бывшая знакомая, – поправилась я. – Я бы хотела с вами встретиться. Мне это очень нужно. Да и вам, я думаю, тоже.

– Хорошо, если хотите, приезжайте прямо сейчас, – монотонным, равнодушным голосом согласилась вдова.

– Спасибо большое. Я скоро буду.

После этого короткого разговора я как-то сразу обратила внимание на тишину. Не на звуки, а на то, что было помимо них. Эти почти осязаемые, ничем не заполненные паузы, которые натягивались как резина, от секунды к секунде, создавая непонятные ощущения покинутости. Они потом вдруг лопались, не выдержав напряжения при очередном шорохе, стуке или каком-либо другом шуме. Будто горе, поселившееся в доме Герасименко, какой-то непонятной субстанцией переключалось в салон моего автомобиля, мгновенно изменив его внутреннюю атмосферу.

Выехав на своей «девятке» на улицу, я почувствовала себя получше. Может, потому, что здесь было уже не так тихо. А может быть, на меня просто подействовал свежий летний воздух, влетевший в приоткрытое окно автомобиля. Мне предстояло вновь посетить дом человека, которого я видела живым единственный раз в жизни и никогда больше уже не увижу. И познакомиться с женщиной, которая бок о бок жила с ним энное количество лет. Мне было небезынтересно взглянуть на эту женщину с чисто женской точки зрения.

Жена Валерия Васильевича оказалась женщиной весьма привлекательной, хотя и несколько крупноватой. Тугие, полные щеки, здоровый цвет лица, гладкая кожа и крепкая фигура – все говорило о том, что на здоровье она не жалуется. При всем при этом ее нельзя было назвать полной, скорее статной. Похоже, что за своей комплекцией госпожа Герасименко старалась следить, возможно, даже посещала какие-нибудь спортивные занятия или шейпинг. На вид хозяйке было лет под сорок, но она старалась молодиться. Это подчеркивала ее аккуратная короткая стрижка. Нельзя сказать, чтобы она очень уж ей шла, но была современной и выполненной явно не соседкой по лестничной клетке.

– Здравствуйте, это я вам звонила, – пояснила я хозяйке на пороге.

Та жестом пригласила меня войти, и я снова оказалась в уже знакомой мне квартире.

– Меня зовут Татьяна. Я познакомилась с вашим мужем совсем недавно, подвозила на вокзал, когда он спешил вас проводить, – пояснила я, проходя в комнату.

– Вероника, – кажется, не вникая в смысл моих слов, представилась вдова. – Вы проходите, присаживайтесь.

Кажется, ее совершенно не интересовало, как и почему я познакомилась с ее мужем и что меня привело к ней в дом сейчас. Вероника явно была вся во власти своих переживаний по поводу смерти мужа. Она не задавала никаких вопросов, просто сидела и ждала, что я скажу.

– Вы простите, если мой визит вдруг показался вам странным и не совсем уместным, – заговорила я, принимая приглашение. – Но я сочла своим долгом попытаться как-то помочь вам.

– Да, спасибо. Но в деньгах я пока что не нуждаюсь, – ответила Вероника.

– Вы меня не поняли, – постаралась объяснить я, удивленная тем, что Вероника решила, будто бы я собираюсь предложить ей материальную помощь. – Речь идет не о деньгах. Мне кажется, я могла бы помочь вам в поисках убийцы вашего мужа. Я думаю, вам это не безразлично.

– Вы? – Герасименко внимательно посмотрела мне в глаза. На ее лице было написано нескрываемое удивление.

– Чем же вы мне можете помочь и как? Вы что, из милиции?

– Нет, я не из милиции.

– Какое-нибудь частное предприятие? Сыскное агентство или что-то в этом роде? – попробовала снова угадать вдова. – Вы хотите мне предложить свои услуги... А сколько это будет стоить? – поинтересовалась Герасименко тоном человека, которого деньги в данном случае волнуют, но не очень.

– Ничего, – просто ответила я.

Ответ вызвал у хозяйки квартиры некоторое замешательство. Видимо, она не знала, что и думать. Я почувствовала, что необходимо вытягивать положение из болота сомнений и неясностей. И вообще, нужно было сразу сказать, что я выполняю просьбу Стекольников. Но я не знала, известно ли Веронике о краже денег из сейфа директора фирмы «Ритм».

– Одним словом, меня нанял Владимир Алексеевич Стекольников, – наполовину раскрыла я карты.

– Володя? – еще больше удивилась вдова и встрепенулась. – Нанял вас? Расследовать смерть Валерия?

– Не совсем так. Но возможно, мне удастся узнать, кто убил вашего мужа. И с вашей помощью мне будет гораздо легче это сделать.

– А кто вы ему? – с запозданием подозрительно осведомилась Вероника.

– Случайная знакомая, – ответила я. – Я же говорила, что в тот день ваш муж спешил на вокзал, ловил машину, я его подвезла. А потом так получилось, что это именно я обнаружила вашего мужа... мертвым.

– В первый день после моего отъезда? – еще более подозрительно посмотрела на собеседницу Вероника. – И почему обнаружили? У вас что, есть ключи от нашей квартиры?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.